

ИЛЯНА КОСЫНЗЯНА

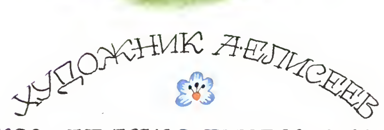
Д

ИЛЯНА КОСЫНЗЯНА

РУМЫНСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ХУДОЖНИК А·ЕЛИСЕЕВ

МОСКВА · „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА" · 1989

ББК 82.4Р
И43

Перевод с румынского *С. КУЛЬМАНОВОЙ*

И $\frac{4804010400-332}{М101(03)-89}$ 486—89

ISBN 5—08—000343—X

ЛИСА И ЁЖ

Дружили когда-то лиса и еж. Вместе гуляли, вместе еду добывали, вместе и бедовали — всяко бывало.

Вот однажды идут они и беседуют по-приятельски. Лиса начала хвастаться, какая она умная и

ловкая, хитростей у нее в запасе — целый воз и маленькая тележка.

— Так много? — удивился еж.— Неужто правда?

— Правда, правда, я не зря говорю.

Дошли они до волковни при дороге — так у нас называли в давние времена ловушки для волков — большие глубокие ямы вроде колодца, а на дне приманка: мясо, падаль всяческая. Прыгнут туда волк или лиса, наедятся, а выбраться уже не сумеют. Хозяин волковни изловит их, шкуру сдерет и продаст.

Да, пришли они к волчьей яме, скувырнулись в нее и на еду набросились. Когда до отвала наелись, лиса опять за свое — про целый воз и маленькую тележку хитростей балаболит. Еж слушал-слушал и вставил:

— А я только одну-единственную хитрость знаю, такой я глупый. Слушай, лиса, как мы теперь выбираться наверх будем, а? Может, твой воз и тележка помогут?

— Что ж, попробуем! — отвечает лиса.

Скок-поскок и — вниз кувырком! Никак не вылезти!

Тогда еж притворился больным.

— Слушай, сестрица, у меня так бурдюк разболелся, сил нет! (Бурдюком звери живот назы-

вают, да и люди в шутку так говорят.) Знаешь, где болит, вот тут, где самый пупочек. Ты уж, пожалуйста, помни его носом, подави хорошенько, авось пройдет!

Лиса уткнулась мордой ему в животок, а он взял да свернулся клубочком, иголки-то и впились ей в морду! Она давай трясти головой, как крутанет — швырк! — еж-то и вылетел из ямы наверх.

— Видишь, лиса, — говорит еж, — я на одной только хитрости выехал, давай выезжай и ты на своем возу иль на тележке.

— Братец еж, помоги ты мне, уж пожалуйста!

— Ладно, так и быть, вытащу тебя, вывезу на своей одной хитрости, не посмотрю, что ты и сама на выдумки хитра. Так вот, слушай меня: притворись дохлой, замри, будто ты совсем-совсем дохлая.

Сейчас должен прийти волчатник. Он к тебе спустится по лесенке, ты не дыши, лапки вытяни, дохлая — и все! Он тебя за хвост — и вышвырнет наверх. Вот когда вышвырнет, ты давай деру, не жди, когда он вылезет, и не вздумай растарабарывать с ним!

Так все и вышло, как еж говорил: пришел волчатник, спускается в яму, вышвыривает лису за хвост. Она задала лататы. Когда он вылез из ямы, лисы и след простыл.

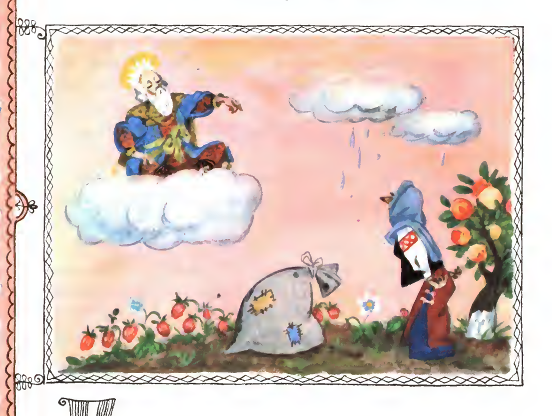
— В другой раз буду умнее,— говорит он.— Когда окажется тут мертвая лиса, я сперва застрелю ее, выпущу один заряд, погляжу: если не встанет, значит, и вправду мертвая. А эта была, видать, жива, удрала, негодяйка!

Так и остался волчатник ни с чем.

Умен ежик! И сам выбрался из ямы, и лису вывез без воза и без тележки.

ПРО ДЯТЛА

Говорят, что дятел сперва не птицей был, как теперь, а бабой носастой. Носастыми у нас прозывают не только тех, у кого нос большой, но и таких, кто сует свой нос в чужие дела, ни о ком доброго слова не скажет, охáет всякого, наплетет чего не было.

Вот однажды насобирал бог полный мешок разных вредных козявок, жучков, букашек, комаров — ну, словом, всех, какие водятся на земле. Завязал он мешок туго-натуго и раздумывает, кого бы послать утопить в море всю эту вредную живность. Вот и надумал. Призвал к себе в сад бабу носастую, а сад у него богатый был, и цветов, и деревьев полным-полно. Да, призвал он ее, подает мешок и говорит:

— На вот, возьми, отнеси этот мешок к морю и забрось, утопи его. Да смотри не развязывай, не любопытствуй, что там внутри! Иначе таких бед натворишь, вовек не справишься. Поняла?

— Как не понять! Разве я враг себе? Да как же так я ослушаюсь?! Такого со мной никогда не бывало. Исполню все как надобно. Ей-ей, право слово, не развяжу!

— Ну, ступай!

Вскинула баба мешок на спину и пошла своей дорогой. Далеко-то она не ушла, любопытство так разобрало, как же тут утерпеть, не заглянуть, что же в мешке спрятано? «Может, и путное что? Бросить-то дело недолгое. Я только одним глазком взгляну и опять завяжу»,— думает. Остановилась она, опустила мешок и только стала развязывать, как оттуда полезла вся мелюзга летучая и ползучая! Мошки, жучки, козявки, букашки, почуяв во-

лю, заторопились упрятаться кто куда. Одни — поскорее в траву, в землю зарыться, другие — в щелки коры, на деревья. Не дураки, не стали ждать, пока их обратно в мешок упрячут.

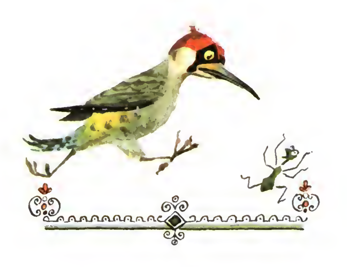
Перепугалась баба носастая, заметалась, забегала. Как теперь всех поймать? Сколько-то и поймала, посовала в мешок — всего ничего. И пришлось ей вернуться в сад, повиниться. Бог ей и говорит:

— Что ты наделала, глупая баба! Теперь станешь ты птицей носатой — дятлом, ищи и лови всех, кого упустила, и покуда не переловишь, так и останешься птицей!

Так вот и появился дятел, люди сказывают.

Не знает он ни покоя, ни передышки. Долбит своим носом деревья и в лесах, и в садах, все ловит жучков, букашек, козявок, верно, надеется, что вот-вот управится и опять станет бабой носастой. Все деревья обрыщет, ни одного не пропустит, в особенности если трухлявое или дуплистое. И по сей дёнь ищет и ловит, конца-краю заботушке его нет.

ИЛЯНА КОСЫНЗЯНА

В старину, когда жил на свете Дед Мороз с белой бородой, был один царь, богатый, как и все цари. Имел он сына Ионицэ, по прозванию Фэт-Фрумос — значит и смельчак и красавец. Любил веселье Ионицэ, пляски и песни, любил и музыкантов послушать, но милее всех забав ему были кони. Час-

тенько ездил Ионицэ вместе с царским табунщиком пасти коней на лугах. А надо сказать, самый лучший из всех лугов, с травой-клевером, был неподалеку от озера. Называлось оно озером Волшебниц. Иногда выходили из того озера на вольный свет волшебницы — показаться людям.

Вот однажды поехал наш Ионицэ с табунщиком на тот луг табун пасти. Ионицэ лег близ бережка и заснул, а табунщик стал за конями приглядывать. Как вдруг всколыхнулось озеро, и явилась на берег волшебница — такая раскрасавица девушка, какой в целом свете не сыщешь. Подошла она к Ионицэ, обнимает его и говорит:

— Пробудись, милый друг!

Ионицэ не просыпается. Она стала плакать, целует его, а он все спит крепким сном. Обиделась на него волшебница, вернулась к озеру и скрылась под водой.

Табунщик потом разбудил Ионицэ, и поехали они на конях домой. По дороге рассказал табунщик про волшебницу. Подосадовал на себя Ионицэ, как это он проснуться не мог? На другой день опять они отправились на пастбище. Ионицэ хоть и задумал не спать, да сморил его сладкий сон. Сон-то ведь слаще меда. Так и загадка говорит: «Слаще его нет ничего, всем нужен, а никому не послушен».

И снова вышла из озера волшебница, та самая.

Будит Ионицэ, обнимает-целует — никак не разбудит. Заплакала она и скрылась в озере.

Табунщик все видел. Тоже, верно, досадовал на Ионицэ и, когда они поехали домой, рассказал Ионицэ, как будила его волшебница и плакала, видя, что не добудится.

На третий день опять поехал Ионицэ с табунщиком пасти коней на тот луг, что неподалеку от озера Волшебниц. Ионицэ стал прохаживаться по бережку, чтобы сон разогнать. Все ждет-пождет, думает: вот сейчас покажется волшебница из воды. И что же он вдруг надумал? Лег на траву и посматривает на озеро. Ну как тут не заснуть? Сон опять одолел его. Ионицэ спит себе крепко, а из озера вышла волшебница, подходит к нему, целует, плачет, прямо не знает, что и делать. Потом уж видит, что все равно не разбудить его, и говорит:

— Больше я не приду.

Сняла кольцо у Ионицэ и надела себе на палец, а свой именной перстень ему на палец надела и после того ушла, скрылась в озере.

Немного погодя пришел табунщик, разбудил Ионицэ и рассказал ему все, как было.

Ионицэ чуть не помер с досады. Глянул на палец — видит чужое кольцо, а на кольце написано: «Иляна Косынзяна, коса золотая, в косе цветы певучие, поют дивно, за девять царств слышно».

Прочитал Ионицэ надпись, не стал тут долго раздумывать. Едет домой. А как приехал, раздал он все богатства свои бедным людям. Справил себе обувку надежную — железные лапти, взял посох стальной и отправился странствовать по свету широкому — искать Иляну Косынзяну.

Вот пришел он к зятю, который женат был на младшей сестре Ионицэ. Спрашивает его:

— Не слыхал ли ты случаем про Иляну Косынзяну?

— Нет, не слыхал,— отвечает зять.

Идет Ионицэ дальше и приходит к другому зятю, который женат был на средней сестре. Стал спрашивать и его, не знает ли он что-нибудь про Иляну Косынзяну?

— Откуда мне знать? — отвечает тот.— Про нее только сказки складывают.

Не сробел Ионицэ, подтянул потуже ремни на железных лаптях, взял свой посох стальной и пошел дальше разыскивать милую. Ничего не поделаешь, любовь и на край света заведет.

Приходит он к третьему зятю, который женат был на старшей сестре Ионицэ. И его тоже спрашивает:

— Ты много видал и слыхал на своем веку, должно быть, знаешь и про Иляну Косынзяну.

— Пока еще не слыхал, чтобы кто-нибудь по-

бывал у Иляны Косынзяны, прознал, где она живет,— отвечал ему зять.— Воротись-ка ты лучше домой, нечего зря ходить.

Промолчал Ионицэ и затаил про себя, какая у него тоска на сердце. Распростился он с зятем и отправился в путь. Много долин и гор исходил Ионицэ, много кудрявых лесов и зеленых лугов прошел. Кого ни встречал, кого ни расспрашивал, так ничего и не узнал про Иляну Косынзяну.

«Что мне теперь за житье без Иляны? Так и буду идти, покуда земной простор не кончится, покуда свет да небушко не скроются»,— говорил себе Ионицэ.

Шел он, шел и устали не знал. А на уме у него только Иляна была. Иной раз и почудится ему, будто вот она, рядом, да только обманывался он, так показалось.

Пришел он к высокой горе, стал взбираться на нее, а сам все об Иляне думает. Добрался до самого верха, смотрит, а по другую сторону горы — темная пещера. Солнце в те места заглядывало только на закате. Спустился в пещеру Ионицэ Фэт-Фрумос, шел-шел, и ни один живой человек ему не попался, только змеи да всякие звери шныряют. Но Ионицэ не побоялся их.

Завидел он свет вдалеке и свернул в ту сторону. Прибавил шагу Ионицэ и очутился возле мельни-

цы, какой не видывал на всем своем долгом пути. В быстрой речке черным-черна вода бежит, мельничные колеса гоняет, они лётом летают.

То-то обрадовался Ионицэ! Заходит он на мельницу, а людей там что-то не видно, как обычно на мельницах бывает. «Пропащая та мельница, куда народ не захаживает» — так поговорка гласит. Посмотрел Ионицэ направо, посмотрел налево и тут приметил старика. Такой он был древний, тот старик, что у него уже веки не поднимались, он их крючьями поднимал. Один он на мельнице и управ-

лялся, едва поспевал муку в мешки насыпать — так скоро зерно мололось.

— Здравствуй, дедушка! — говорит Ионицэ старику.

— Здорово, молодец! — отвечает старик. — Скажи на милость, каким ветром тебя сюда занесло? До сей поры на этой мельнице ни один земной житель не бывал.

— Да что ж, человеку надо все изведать, девять морей и девять земель пройти — всякое повидать. Так и я исходил весь свет, только вот не узнал того, что мне нужно. Может, ты мне, дедушка, скажешь, ты человек старый, похоже, самому времени ровесник.

Старик поднял крючьями веки, посмотрел на Ионицэ и спрашивает, что ему надобно.

— Не слыхал ли ты, дедушка, про Иляну Косынзяну? — говорит Ионицэ.

— Так ведь мельницей она и владеет. На нее одну я мелю муку день-деньской. Прилетают сюда девять могучих птиц. Что ни день, каждая по четыре мешка зерна на себе приносит, а мне к утру надо все зерно смолоть.

Ободрился наш Ионицэ, сразу и сил у него прибавилось. Потолковал он со стариком о том о сем и сдружился с ним. А уж после напросился Ионицэ за мельника поработать, муку в мешки насыпать.

Старик и рад отдохнуть, прилег на мешки и, конечно, сразу уснул — очень уж он натрудился. Ионицэ того и надо было. Живо наполнил мешки мукой, а в один мешок спрятался сам и зашил его изнутри.

Между тем прилетели могучие птицы, шумят, кричат, стали окликать старика, спрашивают:

— Мука готова?

Старик еле-еле пробудился ото сна, поднял веки и туда и сюда смотрит — молодца нет как нет. Вот и пришлось старику опять одному управляться. А спросонок ему и вовсе тяжело мешки-то ворочать, насилу взвалил их птицам на спины. И полетели те птицы домой, как мысль, как ветер быстрые.

Старик, понятно, так и остался на мельнице век доживать и смерти дожидать. А долго он, бедный, ломал голову, куда подевался молодец: в реке ли потонул иль на вольный свет выбрался к земным жителям.

Между тем Ионицэ жив-невредим был в надежном месте. Прилетели могучие птицы к Иляне Косынзяне и отдали мешки повару. Вспорол он один мешок, а в нем как раз Ионицэ был. Ну и напугался тот повар, когда Ионицэ из мешка вылез!

— Да как же ты попал сюда, скажи на милость? — спрашивает он Ионицэ.

— Про то молчок,— говорит Ионицэ и показывает ему кольцо, а на кольце написано: «Иляна Косынзяна, коса золотая, в косе цветы певучие, поют дивно, за девять царств слышно».

Промолчал тогда повар и оставил Ионицэ у себя в доме жить.

Вот пришло время повару хлебы печь для Иляны Косынзяны — иного хлеба она и в рот не брала, только какой ей повар пек. Ионицэ и говорит повару:

— Дай-ка я испеку, увидишь, какой хороший хлеб будет!

— Ладно,— говорит повар.

Взялся Ионицэ за дело, засучил рукава, замесил тесто, живо-готово, посадил хлебы в печь. Вынул

повар потом караваи из печи и надивиться не может, до чего пышный хлеб испекся.

Несет он Иляне каравай, только она взяла его в руки, сразу спрашивает:

— Кто испек такой чудесный, пышный хлеб?

— Кто же другой испечет? Я испек, — отвечает повар.

После того как вышел весь хлеб, повар снова собрался печь. Опять Ионицэ взялся стряпать вместо повара, и получился хлеб вдвое чудеснее прежнего.

Долго дивилась Иляна, что хлеб раз от разу все лучше.

А повар не поспевал хлеб припасать. Только испекут — он уж весь, не то что прежде бывало. Оно и понятно: добрый хлеб все равно что пирог — не залежится.

Вот опять надо повару хлебы печь.

У Ионицэ от радости сердце так и запрыгало. Берется он стряпать в третий раз, сажает хлебы в печь, и тут, не долго думая, взял да и запек в один каравай кольцо Иляны Косынзяны.

Повар принес каравай Иляне. Она разломила его пополам, кольцо-то и выпало. Иляна его подняла, признала свое кольцо и спрашивает:

— Кто испек хлебы?

Повар давай вилять — то, другое, пятое, десятое,

ну а после все же признался, что хлеб Ионицэ испек.

Иляна немедля послала повара за Ионицэ, привели его к ней в дом. Увидала она его, обняла и приказала дать ему платье, золотом шитое, его-то прежнее давно немыто было.

Спустя две недели обвенчалась Иляна с Ионицэ Фэт-Фрумосом и такой веселый пир задала, что весть о нем за девять земель разнеслась.

После пира Ионицэ получил от Иляны все ключи. И стал он полным хозяином всех палат, и покоев, и кладовых. Только вот от подвала ключ не дала ему Иляна.

Прошло сколько-то дней; захотелось все ж Ионицэ узнать, что в том подвале. Попросил он ключ у Иляны, не отказала она, отдала тот ключ. Пошел Ионицэ, отпер подвал и заглянул вовнутрь. Вдруг слышит: из бочки зычный голос раздается, просит отворить дверь пошире. Послушался Ионицэ, распахнул дверь, тут и начали с бочки все обручи слетать, да как вымахнул оттуда змей — с гору, не меньше,— и прямиком к Иляне Косынзяне. Подхватил ее и унес за девять земель.

Ионицэ давай слезы лить, а что толку — слезами горю не поможешь. Теперь опять ему надо разыскивать Иляну Косынзяну. Обул он железные лапти, взял стальной посох и отправился странствовать по

свету широкому. Идет наш молодец, идет, остановится, пораздумает, да как ни думай — сам виноват, корить некого.

После долгих странствий приходит он к Святой Пятнице и стучится в дверь, знает, что она всем попавшим в беду помогает. Святая Пятница говорит:

— Коли добрый человек, заходи, помогу, а недобрый — ступай прочь за девять земель.

— Добрый я человек, — отвечал Ионицэ.

Впустила его в дом Святая Пятница и спрашивает, что ему надобно. Рассказал ей Ионицэ, что и как с ним случилось. Долго смотрела на него Святая Пятница, словно хотела сказать: «Глупая голова ногам покою не дает». Потом пожалела его и утешила:

— Ничего, не теряй надежду! Возьми вот лук, когда-нибудь он тебе пригодится.

Взял Ионицэ подарок и пустился в дорогу. Шел он, шел по многим царствам, по дальним сторонам, не приведись столько исходить нам! И вот видит: стоит дом, над ним во́роны летают, кругом волки воют, страх, да и только!

Заходит в дом Ионицэ, а навстречу ему бабка, как есть ведьма: ноги лошадиные, зубищи стальные, а пальцы все загнутые, как серпы. Увидала она Ионицэ и спрашивает, каким ветром его к ней

занесло. Ионицэ ей отвечает, что пришел он в работники наняться, коня заслужить.

— Ладно,— говорит бабка.— Мне как раз нужен работник. Служи у меня, только всего и дела — кобылицу каждый вечер пасти.

Так и уговорились. А год в те времена был только три дня. Ионицэ и рассудил, что год не долог, не век протянется.

Вот настал вечер; выводит бабка кобылицу, велит Ионицэ на пастбище ехать и строго-настрого наказывает приглядывать за кобылицей, а если не устережет, то голова долой. Сел Ионицэ верхом на кобылицу и погнал ее во всю прыть на пастбище, да не забыл и лук дареный прихватить. Едет он, вдруг навстречу ему ковыляет пташка с перебитой лапкой. Увидал ее Ионицэ, натянул тетиву, хотел подстрелить ту птаху, а она говорит ему:

— Не губи меня, лучше перевяжи мне лапку, когда-нибудь я тебе пригожусь!

Пожалел Ионицэ птаху, завязал ей ножку и поехал дальше. А как прибыл на пастбище, не стал с кобылицы слезать, чтобы не упустить ее.

Кобылица себе пасется, Ионицэ наш дремлет верхом на ней. Потом она ссадила его на камень, а сама обернулась птицей, полетела в лес с другими птицами и там стала петь.

Пробудился поутру Ионицэ, глядь, сидит он на

камне, в руках уздечку держит, а кобылицы и след простыл. Загоревал он, заплакал, да так жалобно, что птицы и петь перестали.

И вдруг является перед ним та самая птаха, которой он ножку завязывал, и говорит ему:

— Не горюй, кобылица сама сыщется!

Пташка была чудодейка, приказала всем птицам петь да высматривать, нет ли залетной птицы среди них. Как запели все птицы, так и узналась по пению залетная птица. Пригнали ее к Ионицэ. Увидал он ее, стегнул уздечкой по голове и приговаривает:

— Но, ведьмина кобылица! Не будь ты птицей, а обратись в кобылицу, как и была!

Обратилась она в кобылицу, Ионицэ вскочил на нее и вмиг очутился у ведьминого дома.

Увидала ведьма свою кобылицу, так обозлилась, рвет и мечет, отдубасила ее и пригрозила: если, мол, она и в другой раз сыщется, то уж несдобровать ей.

На второй вечер Ионицэ опять едет кобылицу пасти. И кто же ему попадается навстречу? Бедняга заяц с перешибленной лапой. Ионицэ берет свой лук, хочет подстрелить зайца, а тот и говорит ему:

— Не стреляй, лучше перевяжи мне лапу, когда-нибудь я тебе пригожусь!

Помог Ионицэ зайчишке и отпустил его.

Вот прибыл Ионицэ на пастбище, стал пасти кобылицу, верхом на ней сидит, а чтобы не спать, наложил себе репьев за ворот. Да что там, сон всякому сладок, одолеет, когда и не ждешь. Крепко заснул наш Ионицэ, кобылица опять оставила его с уздечкой на камне, а сама обратилась в зайца и давай скакать по лесу вместе с другими зайцами.

Просыпается Ионицэ, видит, что упустил кобылицу, и начал слезы проливать и голосить так, что и в полях, и в лесах слышно было. Прибежал тут к нему хромой заяц и говорит:

— Положись на меня, мы тебе ее мигом сыщем!

Как пустился в лес тот зайчишка, собрал всех зайцев, оглядел их и узнал пришлого зайца по зубам: зубы-то у него не заячьи были, а лошадиные. Стал он пришлого зайца кусать да щипать и погнал вон из лесу. Ионицэ тут как тут, стоит приговаривает:

— Но, ведьмина кобылица, не будь ты зайцем, а обернись кобылицей, как и была!

Стегнул он зайца уздечкой, и обратился тот в кобылицу. Ионицэ сел на нее верхом и погнал прямо к дому. А ведьма тем часом поставила на огонь котел с водой. Закипела вода, ведьма ждет: вот вернется Ионицэ домой без кобылы, тут-то она и сварит его заживо. Как увидала, что привел он

кобылицу, от злости чуть не лопнула. Прикусила язык здоровенными своими зубищами, ни словечка не сказала. Но уж зато кобылице и досталось от нее! Начала ведьма охаживать ее каленым железным прутом, самое даже пот прошиб. Потом опять наказала ей получше спрятаться, чтобы Ионицэ не сыскал ее.

На третий вечер опять поехал на пастбище Ионицэ и опять заснул, словно околдованный. На этот раз кобылица обернулась старым дубом, стала посреди леса, а корни пустила на том самом месте, где спал хромой зайчишка, вот и спугнула его, беднягу.

Пробудился ото сна Ионицэ, глядь — опять кобылицы нет. Загоревал он пуще прежнего. Сам видел, какая злющая бабка-то, теперь от нее и вовсе добра не жди. Но как говорится, на большую беду и подмога велика.

Подоспели тут птица-чудодейка и хромой зайчишка и говорят Ионицэ:

— Нечего тебе сокрушаться! Вон у тебя какой крепкий посошок, стучи им по каждому дереву — и найдешь кобылицу!

Ионицэ так и сделал. Как ударил по старому дубу, тот и запрыгал, а Ионицэ говорит:

— Стой, ведьмина кобылица, обратись из дуба в кобылицу, как и была!

Обернулся дуб кобылицей, Ионицэ поехал на ней домой. Увидала его бабка, заскрипела зубами что есть силы, они у нее все и покорежились.

Так вот и год сровнялся. Ионицэ говорит бабке:

— Ну что, хорошо я тебе служил?

— Хорошо,— отвечает бабка.— Теперь идем на конюшню, выберешь себе коня, как у нас уговорено было. Только прежде поешь, а то ты, видать, голодный.

Ионицэ сел за еду, и вот, пока он угощался, залетела в окно птаха-чудодейка и шепчет ему:

— Выбирай самого захудалого коня!

После того пошел Ионицэ с бабкой на конюшню, она и давай всяких коней ему показывать: и гнедых, и буланых, и серых. И велит выбрать одного.

А в самом конце конюшни стоит неказистая клячонка шелудивая, глаза бы на нее не глядели.

— Вон того коня дай! — сказал Ионицэ.

— Да как я тебе такого никудышного коня дам? — говорит бабка.— Бери другого, какого хочешь.

Ионицэ знай просит этого. Так и пришлось отдать.

Заполучил Ионицэ коня, распростился с бабкой и тронулся в путь. А конь такой заморыш, еле-еле идет со двора.

Да горевать нечего! Конь-то был не простой. Как заржал он вдруг, так и обратился в волшебного коня, хоть под облака на нем лети. Было у него четырнадцать селезенок, и потому он устали не знал.

Ионицэ вскочил на коня и только подумал, как бы ему к Иляне попасть, сразу очутился у змеиного дворца.

Иляна шла с водой от колодца, увидала Ионицэ, признала тут же, стала обнимать-целовать его.

Тотчас сели они на волшебного коня и понеслись.

Змей мигом это проведал, вскочил на коня и помчался за ними в погоню во весь дух. Видит, что не нагнать их, и давай кричать коню Ионицэ, чтобы тот его сбросил. Посулил змей коню, что будет его в молоке купать, овсом да сахаром кормить. Не сплошал Ионицэ, крикнул змеиному коню, что будет его клевером кормить и в росе купать.

Как услышал это змеиный конь, сбросил он змея наземь, расшиб на мелкие кусочки и растоптал копытами. Потом понесся во всю прыть и догнал коня Ионицэ.

Ионицэ сел тогда на змеиного коня, а Иляна Косынзяна осталась на его коне. Вот едут они дальше.

Ехали, ехали по многим царствам, миновали девять земель и очутились дома. Так вот и воротились они во дворец Иляны. Стали гостей созывать да свадьбу справлять. Были на той их свадьбе и все волшебницы из озера, пели, плясали — такого веселья ни на земле, ни на небе не знавали.

Если не умерли молодые, то и поныне живут.

Сел я на горячую головню верхом и мелю языком, сел я верхом на пилу на ржавую и поведал вам быль небывалую.

ДВЕНАДЦАТЬ МИНИСТРОВ

Жил когда-то, в давние времена, царь, и было у него двенадцать министров-помощников.

Вот однажды погожим, летним днем вышел царь из дворца и отправился на прогулку в карете, а с ним и все двенадцать министров.

Едут-едут и видят: на поле, при дороге, на самом

припеке старик мотыжит, кукурузу окучивает. От жары, от натуги бедняга взмок, то и дело лицо рукавом утирает.

Поглядел царь, с каким рвением дед работает, вышел из кареты и прямиком к нему идет. А за царем и министры пошли.

— Добрый день, дедушка! — говорит царь.

— Спасибо за честь, ваша милость! — отвечает старик. Царя-то он не знал в лицо.

— Усердно ты работаешь, дедушка, прямо как молодой!

— Поневоле будешь надсаживаться. Такая уж наша доля крестьянская. Вам, господам, суждено головой работать, а нашему брату — горб гнуть.

— И сколько же ты получаешь в день? — спрашивает царь.

— Мелочью получаю, тридцать крейцеров в день, ваша милость.

— Маловато,— сказал царь.

— Столько положено. Да ведь я из этих денег всего только треть на себя расходую, одна часть идет на уплату старых долгов, а другую в рост отдаю.

Подивился царь его ответу, сообразил, что к чему, не дурак был и сам любил загадками говорить. А министры его, остолопы, ничегошеньки не поняли.

Царь опять спрашивает его:

— С каких лет снег на жнивье выпал, дедушка?

— С тридцати, ваша милость.

— Мудрый ты человек, по ответам твоим сужу, дедушка. Быть тебе царским советником. Я тебя еще об одном спрошу, и, если сумеешь ответить так же умно, как прежде, я тебя озолочу, и тогда не придется тебе на чужом поле мотыжить. Вот слушай, дедушка: у меня двенадцать старых баранов, и не знаю, как бы их обстричь. Я тебе их пришлю, а уж ты постарайся, обстриги их как следует по своему разумению. На́ вот тебе ножницы, у тебя ведь их нет.

— Спасибо за ножницы, ваша милость, мне они ни к чему. Вы только баранов пригоните, а я и без ножниц их обстригу в лучшем виде.

Посмеялся царь: ответ хоть куда!

— Ладно, дедушка! Знай, что я — царь, а это — министры мои.

— Что ж, все может быть. Тогда, значит, здравствовать вам многие годы, ваше величество! Не оставьте меня, бедняка, вашими милостями!

Попрощался царь со стариком, пожал ему руку и отправился в путь. А министры спесивые, важность на себя напустили, не то что за руку прощаться, даже словечком не перемолвились с ним.

На обратном пути стали они корить царя: не подобает, мол, царской особе вести разговор с глупым крестьянином да еще руку ему подавать.

Царь осадил их, сказал:

— Кто тут глуп, а кто умный, сами потом узнаете. А по мне, этот крестьянин, которого вы сочли глупым, мудрейший человек. Когда буду совет держать, я его непременно позову. В трудные времена мудрый совет ой-ой как пригодится! Вы вот чванитесь, много о себе понимаете, так и знайте: если за восемь дней вы не сумеете истолковать мне, о чем там у нас речь шла, вы мне больше не министры. Запомните раз и навсегда: тот, кто принимает законы, судит и рядит, должен быть мудрым и справедливым, поступать по совести.

В горести и досаде отправились по домам ми-

нистры; опасаются, что прогонит их царь со службы, ведь им невдомек было, о чем таком вели разговор меж собой царь и старик. Однако решили отыскать виновника, расспросить его. Сели они в карету и отправились к нему на поклон. Нашли его все на том же поле, где он по-прежнему кукурузу окучивал. Но на этот раз они не важничали, поздоровались за руку с крестьянином и держались приветливо. Ну и конечно, стали просить, чтобы он потолковее объяснил им, о чем с ним беседовал царь.

— Хорошее дело, господа министры! Вы, такие ученые люди, не зря же вы, наверное, попали в министры, едете ко мне прикупить ума, к простому-то крестьянину, как же так?!

— Ладно уж, ладно, дед! Не досаждай нам! Мы в одном сведущи, ты в другом, вот так мы и помогаем друг другу.

— Ваша правда, господа министры, вы богатые, я бедняк, так мы помогаем друг другу. Тогда вот что: вы расстараетесь и принесете мне по мерке дукатов каждый, а я вам все расскажу, не велика премудрость. Чую, что у вас горит земля под ногами, однако обирать вас не стану. Так и поладим.

Министры были радешеньки, что так дешево отделались, поспешили домой и привезли старику

каждый по мерке дукатов. Все монеты золотые, новенькие, так и блестят.

Старик заполучил свое и стал объяснять:

— Первая-то задача была такая: я получаю тридцать крейцеров, на них я должен содержать родителей, иными словами — платить старые долги, а мне еще надо детей растить, значит, я деньги в рост отдаю.

Министры слушали, только глазами хлопали.

— Вторая задача была такая: с каких лет выпал снег на жнивье. Царь хотел узнать, с каких лет я седым стал. Я сказал, что с тридцати.

Замолчал старик. Министры подождали, а он все молчит. Тогда заговорили они:

— Хорошо, дедушка. А как же насчет бара-

нов? Царь хотел их прислать остричь, давал тебе ножницы, а ты не взял. Непонятно, что это значит.

Старик им и говорит:

— Господа министры, прямо не знаю, как вам сказать, стыжусь. Подумайте сами хоть немножко, догадаетесь!

Но министры не из понятливых были, никак в толк не возьмут, и все.

— Так и быть, скажу! — начал старик. — Те двенадцать баранов, что царь прислать обещал, это как раз вы, почтенные господа министры. Ножницы мне не понадобились, сами видели, я и без них вас остриг.

До ушей покраснели министры, поскорее простились за руку с ним и пошли домой как побитые.

А старик на те деньги накупил земли, роздал ее беднякам и денег им надавал, настроили они себе домов — целое село. И назвали то село Баранщиками, чтобы помнились двенадцать министров.

Ну, а царь не забыл про мудрого крестьянина. Когда ему надо было что-то решать, он всякий раз призывал крестьянина на совет и всегда почет ему оказывал.

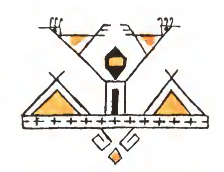
Давненько все это было. Теперь не то. Крестьянина на царский двор не зовут, совета его не спра-

шивают. Ни почета ему, ни уважения. Только знай притесняют его, обездоливают, доброго слова крестьянин не услышит, только «мужичье» да «деревенщина». Вот так-то!

СОДЕРЖАНИЕ

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Издательство просит
отзывы об этой книге
присылать по адресу:
125047, Москва, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Литературно-художественное издание

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ИЛЯНА КОСЫНЗЯНА

Румынские народные сказки

Отаетственный редактор *М. Ю. Теплова*
Художественный редактор *Т. Ю. Никитина*
Технический редактор *Л. С. Стёпина*
Корректор *Л. В. Савельева*

ИБ № 11135

Сдано а набор 21.09.88. Подписаио к печати 25.05.89. Формат 84×90 1/16. Бум. офс. № 1. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,2. Усл. кр.-отт. 18,2. Уч.-изд. л. 3,23. Тираж 500 000 экз. Заказ № 2465. Цена 25 к. Орденов Трудоаого Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудоаого Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

И43 **Иляна Косынзяна**: Румынские народные сказки/Пер. с румынск. С. Кульмановой; Худож. А. Елисеев.— М.: Дет. лит., 1989.— 47 с.: ил.

ISBN 5—08—000343—X

Румынские народные сказки.

И $\frac{4804010400—332}{М101(03)-89}$ 486—89

ББК 82.4Р

25 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»